

Интегративное недопонимание права

ЧЕРДАНЦЕВ Александр Федорович, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации

620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. Печерская, 3

E-mail: tgp@usla.ru

В статье обосновывается тезис о вредности отказа от устоявшихся в современном правовопонимании характеристик права. Рассматривается современное состояние российского правовопонимания. Интегративное правовопонимание подвергается критике. Обосновывается ошибочность отнесения принципов права к формам права. Это типичный случай нарушения в ходе рассуждения логического закона тождества, которое выразилось в подмене понятия «система права» понятием «источник (форма) права». Многогранности права, на что ссылаются интегративисты, соответствует методология, для которой характерен многосторонний, многоплоскостной (по терминологии разных авторов) подход к исследованию права. Автор ссылается на набор сложившихся методов (или плоскостей) исследования в правовой сфере: логико-языковой (или формально-логический), системно-структурный, конкретно-социологический, аксиологический, информационно-кибернетический, математический (статистический), психологический, исторический и др., и, конечно, на диалектический метод с принципами познания, которые в определенной мере конкретизируются в перечисленных методах. Указывается, что интегративный подход к праву противоречит объективному, научному подходу. Анализируются ошибки во взглядах сторонников концепции интегративного правовопонимания. Сделан вывод, что правовая наука не нуждается в интегративном подходе к праву.

Ключевые слова: правовопонимание, российское правовопонимание, интегративный подход к праву, научный подход к праву, многосторонний подход к праву.

Integrative Misunderstanding Law

A. F. CHERDANTSEV, doctor of legal sciences, honored scientist of the Russian Federation

Ural State Law University

3, Pecherskaya st., Ekaterinburg, Russia, 620000

E-mail: tgp@usla.ru

The article proves negative consequences of the refusal of the long-standing characteristics in modern legal consciousness. Analyzes the current state of the Russian legal consciousness. Integrative legal consciousness is criticized. The author substantiates the falseness of attributing the principles of law to the forms of law. This is a typical example of a contravention of the logical law of identity, which has led to the substitution of the term “legal system” to the term “source (form) of law”. According to adherents of integration the complexity of law corresponds to the methodology, which is characterized by multilateralism, omnidirectional (different terminology) approach to the study of law. The author refers to a set of established research methods in the legal field: logical-linguistic (or formal logical), system-structural, concrete-sociological, axiological, information and cybernetic, mathematics (statistics), psychological, historical and others. and, of course, to the dialectical method with principles of the cognition, which to some extent are specified in the above methods. It is stated that an integrative approach to the law is contrary to the objective, scientific approach. Analyzes errors in the views of the supporters of the concept of integrative legal consciousness. It was concluded that legal science does not require an integrative approach to the law.

Keywords: legal consciousness, the Russian legal consciousness, integrative approach to law, scientific approach to the law, multilateral approach to the law.

DOI: 10.12737/21518

Конституция Российской Федерации предусматривает идеологический плюрализм, однако в обществе так или иначе господствует какая-то одна идеология — идеология господствующего класса. Такой идеологией в России является идеология буржуазного либерализма. Она проявляется, в частности, в лозунге «меньше государства» (в экономике, здравоохранении, образовании и т. д.).

Эта идея оказывает влияние и на умы теоретиков права, что проявляется в первую очередь в проблеме правопонимания. Многих из них понимание права как нормативной системы, генетически и функционально связанной с государством, не удовлетворяет. В то же время вопреки реальным фактам они не могут полностью отрицать включенность государства в создание и функционирование права. А принизить роль государства в названных процессах пытаются путем вливания «водицы либерализма» в устоявшееся правопонимание. Это обычно происходит на путях так называемого интегративного правопонимания.

В обоснование такого подхода обычно приводится тезис о том, что право — явление многоаспектное и ни одна из теорий не может дать о нем полное и всестороннее представление¹.

Во-первых, следует подчеркнуть, что представление о предметах и явлениях никогда не может быть полным и всесторонним. Представление — это чувственно-наглядный образ предметов и явлений объективного мира, это форма первого, чувственного уровня познания, полное знание может дать только такая форма мышления, как понятие.

Когда речь идет о праве, то у разных субъектов могут в связи с этим возникнуть разные представления о праве: у одних возникает образ уго-

ловного кодекса, у других — судья, произносящий приговор, у третьих — обсуждение законопроектов и голосование по ним в Государственной Думе и т. п.

Конечно, упоминание о полном представлении права у названных и иных авторов — это плод логической ошибки. Главное же состоит в умолчании о теории права, правопонимании, сложившемся в советское время на базе материалистической диалектики и идей марксизма. Именно эта теория с точки зрения теоретиков-либералов не дает полного представления о праве. На смену ей и делаются попытки протолкнуть в науку «интегративное правопонимание».

Саму же указанную теорию и опровергнуть трудно (в основе все же диалектика, а не бесплодный герменевтический круг), и принять невозможно (право — воля господствующего класса: идея, неудобоваримая для теоретика-либерала, другое дело: право — воплощение справедливости и свободы — идея, греющая душу либерала).

Вот и продвигается вперед постсоветская теория правопонимания теоретиками с «головой, повернутой назад». «Продвижение» это обычно катится «по рельсам интегрирования». Не столько осуществляется реальное интегрирование разных теорий правопонимания, сколько провозглашается.

Сам интегративный подход — далеко не новая идея. И идеи, теории, интеграция которых провозглашается, тоже не из новых. Таким образом, наблюдается стремление на основе старых подходов интегрировать (объединить) старые идеи.

Попытки интегрирования разных теорий в нечто новое, включающее в себя «все лучшее» из объединяемых теорий, предпринимались и ранее. И. Ю. Козлихин подобную интеграцию образно сравнивает с мечтаниями героини из гоголевской «Женитьбы» Агафьи Тихоновны: «Если бы губы Никанора Ивановича да

¹ См.: Шафиров В. М. Проблема проблем в праве и современное (интегративное) правопонимание // Российское правосудие. 2012. № 10. С. 5.

приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча...»² и т. д.

Однако следует отметить, что нынешние отечественные интеграторы уровня Агафьи Тихоновны не достигли. Она все-таки интегрирует нечто конкретное. А адепты интегративного правопонимания избегают конкретики.

Так, М. В. Немытина, отметив три основных типа правопонимания: естественно-правовой, позитивистский и социологический, пишет: «Приверженцы разных научных концепций постепенно приходят к общей идее о необходимости *некоего* (курсив мой. — А. Ч.) интегрального правопонимания... что не стоит противопоставлять типы правопонимания, а следует искать точки их соприкосновения»³.

Фраза о «некоем интегральном правопонимании» цитируется неоднократно другими интегративистами, и это, пожалуй, отражает уровень интегрального правопонимания, которое является пока «неким» и не более того. Что же касается точек соприкосновения, очевидно, что прикосновение явлений — вещь, весьма отдаленная от интеграции.

По мнению М. В. Немытиной, «можно без особых сложностей соединить концепции в русле социологического правопонимания с естественно-правовыми и позитивистскими»⁴. Заметим, во-первых, что вторые и последние названы во множественном числе, во-вторых, почему бы автору самой, хотя бы при первом подходе, не сделать попытку интегрировать концепции, поскольку это несложно.

Несложно это сделать в общей фразе, но когда речь пойдет о том, какие конкретно концепции интегрировать, то «несложность» сразу исчезает. Все интегративисты сходятся на том, что «первый камень интеграции» — естественно-правовая теория. Но ведь теоретикам права общеизвестно, что эта теория далеко не однородна. В рамках этой теории мы видим традиционные концепции естественного права, начиная от древнегреческих и римских мыслителей, кончая мыслителями эпохи кануна буржуазных революций (Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье и др.), концепцию божественного (теологического) естественного права, современную концепцию возрожденного естественного права, естественного права с изменяющимся содержанием.

Какое из перечисленных течений естественного права возможно и необходимо интегрировать в новое правопонимание, интегративисты умалчивают. Это же можно сказать и о позитивистском правопонимании. Если ограничиться только юридическим позитивизмом, то мы видим здесь два течения — англосаксонское и континентальное. И то и другое далеко не однородны. Позитивизм Г. Харта отличен от позитивизма основателя аналитической юриспруденции Дж. Остина.

Среди сторонников континентальной ветви юридического позитивизма также наблюдается разномыслие. Позитивизм Р. Иеринга, создателя юриспруденции интересов, отличается от позитивизма К. Бергбома, а крайнее проявление позитивизма Г. Кельзена с его нормативизмом отличается от всех названных.

Если обратиться к социологическому правопониманию (социологическим теориям), то и здесь течений не меньше, чем в юридическом позитивизме (институционализм, функционализм, реализм и др.). Очевидно, сюда же следует отнести и солидаризм Л. Дюги. А есть еще и марксистское понимание права.

² Козлихин И. Ю. Нетрадиционные подходы к правопониманию // Современные методы исследования в правоведении: сб. науч. ст. / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 10.

³ Немытина М. В. Проблемы современного правопонимания // Там же. С. 115.

⁴ Там же. С. 118.

Спрашивается, что же можно и что следует интегрировать? Какие объективные критерии положить в основу отбора тех или иных концепций для интеграции? Очевидно, что единственный критерий — это объективность теорий, правильное отражение в них правовой действительности, обоснованность, доказанность выводов. Интегративисты не только не решают эти проблемы, но и не ставят перед собой соответствующие вопросы.

Другая проблема — это проблема совместимости, логической непротиворечивости теорий. Чаще всего пишут об интеграции естественно-правовой теории с юридическим позитивизмом. Между тем эти теории логически противоречивы. Первая носит дуалистический характер, а вторая — монистический. Они противоречивы и с позиции объяснения источника права (в материальном смысле), и с других позиций. Поэтому о подлинной интеграции, когда существенные элементы содержания этих теорий сохраняются, говорить не приходится.

Самый главный недостаток в позиции так называемого интегративного правопонимания — отсутствие интегративного понятия права. Понятие права интегративистами не формулируется ни в виде развернутого определения, ни в виде текстуального описания. То есть существенные признаки права в интегративном понимании не называются, круг, класс явлений, мыслимых с помощью понятия права, не определяется. Но если нет понятия права, то нет не только научного понимания, но и приемлемого обыденного. А потому и можно говорить о недопонимании права.

Не случайно одни авторы-интегративисты используют, а другие цитируют фразу об интегративном понимании права как «некоем». Складывается в этом подходе сказочная ситуация: пойдя туда, неизвестно куда, принеси то, неизвестно что, сделай некое нечто и назови его интегративным правом. Попыт-

ки как-то уточнить основы интеграции разных концепций права не выдерживают критики.

Например, В. М. Шафиров пишет об интеграции «на основе человеческого измерения» и получается новое право — естественно-позитивное с человеческим измерением⁵. В естественно-позитивном праве, продолжает автор, первичным элементом являются не нормы, а права, свободы и обязанности⁶. Но если нормы не являются первичным элементом права, то при чем здесь позитивизм и интегративное понимание, которое фактически этой фразой отвергается автором. Получается естественно-позитивное право без позитивного права. Юридический кентавр лишился ног.

Что же касается человеческого измерения, то желательно бы назвать ту мерку, которой при этом меряется право. Впрочем, можно помочь автору отыскать человеческую мерку. Например, возьми пять локтей естественного права, шесть локтей позитивного права, добавь три пяди солидаризма — получишь интегрированное право с человеческим измерением. Последнее выражение есть не что иное, как метафора. В научной работе она уместна, если наряду с ней соответствующее явление описывается в точных терминах и выражениях. В противном случае это не более чем красивые слова неопределенного содержания.

К числу сторонников интегративного правопонимания М. В. Немытина относит В. С. Нерсисянца с его либертарной теорией права. Что интегрирует В. С. Нерсисянец, автор не сообщает, умалчивает об этом и сам Нерсисянец. По мнению М. В. Немытиной, в рамках этой теории право рассматривается также в человеческом измерении, поскольку право есть форма свободы людей⁷. Но очевидно, что подобная мысль не нова.

⁵ См.: Шафиров В. М. Указ. соч. С. 6.

⁶ Там же. С. 5—6.

⁷ См.: Немытина М. В. Указ. соч. С. 105.

К. Маркс еще в 1848 г. писал о свободе, облеченной в конституционный мундир, т. е. правовую форму⁸.

В. С. Нерсисянц право рассматривает как обязательную форму не только свободы, но равенства и справедливости⁹. Однако здесь не идет речь о сущности права (что есть право), а отмечается его функциональное назначение. Очевидно, что список явлений, по отношению к которым право является формой отражения, можно продлить: право — это форма экономики, политики, морали, властных и т. п. отношений, форма целесообразной деятельности и т. д. В то же время право не только форма равенства, но и форма неравенства. Вспомним рабовладельческое и феодальное право, которые прямо закрепляли неравенство, да и современные правовые системы закрепляют многочисленные формы неравенства в виде иммунитетов, привилегий, льгот и т. п.

Что же касается права как формы, меры свободы, то можно с большим основанием утверждать, что право — форма, мера несвободы. Свобода может существовать и без права. Если она нуждается в праве, то только для своего собственного ограничения. Прав К. Поппер, когда пишет о парадоксе свободы: «Свобода сама себя устраняет, если она не ограничена. Свобода означает, что сильный человек свободен запугать того, кто слабее и лишить его свободы. Именно поэтому мы требуем такого ограничения законом»¹⁰.

Если бросить взгляд на историю возникновения нормативных систем, в том числе права, то увидим, что первые нормы — это запреты (табу). В праве, только что возникшем из обычаев, основную долю составляют

нормы-запреты, нормы-обязанности, ограничивающие свободу. В любой современной правовой системе эти нормы представлены в большинстве. В системе права есть специальные отрасли, основной задачей которых является ограничение свободы в интересах свободы других лиц (уголовное право, например). Даже в современном гражданском праве обязывающие и запрещающие нормы превалируют над управомочивающими и диспозитивными. Каждый запрет и обязанность — это формы несвободы.

Необходимо также отметить, что формой свободы, равенства, справедливости являются и другие нормативные системы (мораль, система обычаев, корпоративные нормативные системы). Такие вот «примеры» интегративного правопонимания, по мнению М. В. Немытиной, являются прорывом в науке, а либерализм сыграл «поистине революционную роль»¹¹.

В. А. Сапун пытается обосновать интегративное правопонимание фактически созданием некоей новой теории познания. Вопреки общепризнанным уровням познания, рассматриваемым в науковедении и теории познания, эмпирическому и теоретическому, утверждает о существовании иных трех уровней: философского, социологического и аналитической (практической) юриспруденции, которые могут соединяться в рамках интегративного правопонимания.

Получается, что не правопонимание является результатом познания (трех его уровней), а, наоборот, само правопонимание объединяет эти уровни познания, т. е. действие (познание) и результат действия (правопонимание) меняются в причинно-следственной цепочке местами. Главное же в том, что не раскрывается смысл, содержание названных уровней. На каком, например, философском течении основывается философский уровень познания:

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 131.

⁹ См.: Нерсисянц В. С. Философия права. М., 2005. С. 34, 39.

¹⁰ Поппер К. Открытое общество и его враги // Власть, политика, государство, право. Хрестоматия. Вып. 2. Екатеринбург, 2003.

¹¹ Немытина М. В. Указ. соч. С. 102, 105.

материалистическом или идеалистическом? Если на последнем, то на объективном или субъективном идеализме.

То же касается и других уровней. Связан ли социологический уровень с каким-то социологическим направлением в юриспруденции и каким именно или имеется в виду конкретно-социологический метод исследования. Что касается третьего уровня аналитической (практической) юриспруденции, то также не ясно: идет ли речь об аналитической юриспруденции как значительном направлении англосаксонской правовой мысли или имеется в виду использование правил юридической техники, правил толкования и т. п.

Если исходить из логики В. А. Сапуна, то его список «уровней познания» с тем же основанием можно продолжить: языковой, логический, аксиологический, психологический, исторический и т. п. Представляется, что все-таки основать новую теорию познания В. А. Сапуну не удалось.

Продолжая свои рассуждения, автор в рамки интегративного правопонимания включает: 1) социальные притязания; 2) действующее позитивное право (выявленные социальные притязания); 3) право в действии (соединение объективного и субъективного права). А что же включается в само интегрируемое право? Или такого права нет — одно правопонимание без понимаемого права? Не будем приписывать автору такую несуразную мысль. Будем исходить из того, что с его точки зрения указанные компоненты входят и в само понимаемое интегративное право (интегрированное право). Тогда возникает ряд вопросов. С точки зрения какого течения юридического позитивизма понимается им названное позитивное право? Можно ли включать в состав права социальные притязания, если они еще не выявлены? А коль не выявлены, то, может быть, они вообще отсутствуют. А если выявленных социальных притязаний нет, то, очевидно, нет и самого

права. Что касается третьего пункта, очевидно, что соединение позитивного и субъективного права происходит в рамках правоотношения. Следовательно, последнее также является частью интегрированного права. Представляется, что подобный подход к проблеме правопонимания больше вносит неясности, чем ясности в понимание права.

По мнению В. Н. Карташова, сторонника интегративного правопонимания, определение права «должно объединять нормативное, либертарное, естественно-правовое и философское понимание права». Хотя упряжка правопонимания в данном случае превосходит другую из басни Крылова, но результат тот же самый. Вот какое определение дает В. Н. Карташов: право — «система общеобязательных нормативно-правовых предписаний, обеспеченных мерами государственного и иного воздействия, выраженных в нормативно-правовых актах, договорах и других формально-юридических источниках, отражающих идею и состояние свободы, ответственности, справедливости, равенства, гуманизм, общественный порядок, служащих регулятором поведения людей и организаций»¹².

Заметим, что автор не разъясняет, какое философское течение (учение) положено в основу его философского правопонимания и в чем состоит его суть. Нормативное правопонимание свойственно многим направлениям и прежде всего течениям юридического позитивизма. Какое из них интегрируется, не указывается. Что же касается естественно-правовой теории (или естественно-правового понимания), то она не согласуется со многими течениями правовой мысли. Целый ряд теорий права (историческая, позитивистские, социологические) возникли в определенной мере как реакция, как критика естественно-правовой теории.

¹² Доклад на конференции // Российское правосудие. 2008. № 7. С. 98.

Вышеприведенное определение права, претендующее на звание интегративного, вряд ли этого заслуживает. Это обычное так называемое нормативное правопонимание, с либертарным его сближает утверждение, что право отражает свободу, справедливость, равенство. Но, во-первых, право отражает многие другие общественные явления — экономику, политику, мораль, интересы социальных групп и т. д., а во-вторых, отражение не является свойством, специфическим для права. Указанные и многие другие социальные феномены отражаются в науке, религии, литературе и разных формах искусства, неправовых нормативных системах.

Нельзя пройти мимо многообещающей для данной проблематики статьи В. В. Ершова «Российское право с позиции легизма и интегративного понимания»¹³. Однако по прочтении надежды не оправдываются. В статье не дается понятие интегративного права, не говорится о том, что именно (какие теории, какие их элементы) интегрируется. Не определен и характер российского права относительно легизма и интегративного правопонимания.

Автор выступает против широкого понимания права, но тем самым фактически отвергает интегративный подход. Отмечается, что «в соответствии с интегративным пониманием права право и закон не различаются как разные феномены и понятия, а лишь соотносятся как однородные правовые явления»¹⁴. Но если они не различаются, значит, это одно и то же, следовательно, и соотноситься нечему. Почему автора не устраивает общепризнанное положение о соотношении указанных феноменов как содержания и формы с позиций интегративизма, не объясняется.

В конце статьи без всякой аргументации утверждается, что легистское правопонимание не позволяет

дать теоретически обоснованные ответы на актуальные вопросы, а вот интегральное — позволяет.

В другой статье «Тенденции развития права и неправы»¹⁵ автор к праву относит прецеденты толкования и применения права и индивидуальные договоры. Этим самым он «срубил сук», на котором висело интегративное правопонимание, основывающееся, по его мнению, на социологическом, естественно-правовом и легистском правопонимании. Но ведь с точки зрения некоторых направлений социологической юриспруденции (реализм, функционализм) и юридического позитивизма (нормативизм, школа «свободного права») и др. это и есть настоящее право, «право в действии», «живое право».

Подводя итог изложенному, вслед за сказочным персонажем можно воскликнуть: «А король-то голый!». То есть никакого интегративного правопонимания не сложилось. Вокруг этого выдуманного вопроса идет словесное камлание и не более того.

Хотя интегративное правопонимание фактически отсутствует, тем не менее ему придается методологическое значение. Это мы наблюдаем в более чем десятке статей, опубликованных в журнале «Российское правосудие». Как правило, те или иные проблемы рассматриваются не просто под углом зрения мифического интегративного правопонимания, но и в противопоставлении (по крайней мере в заголовках) с так называемым легизмом.

Легизм понимается как сведение всего права к законам и иным нормативным актам¹⁶. Но возникает во-

¹⁵ См.: Российское правосудие. 2012. № 7.

¹⁶ См.: Ершов В. В. Юридическая природа принципов российского права с позиций легистского и интегративного правопонимания // Российское правосудие. 2010. № 1. С. 15; Воронов И. Ю. Запрещение злоупотребления российским трудовым правом как один из основополагающих принципов права с позиции легизма и интегративного

¹³ См.: Российское правосудие. 2011. № 10.

¹⁴ Там же. С. 9.

прос: были ли и существуют ли ныне такие правовые системы, в которых сводилось бы все право только к указанным источникам? Представляется, что не было и нет. Авторы, противопоставляющие легизм интегративному правопониманию, примеров не приводят. Не называют и имен авторов, которые сводили бы право только к вышеуказанным формам.

Исторически такие формы права, как правовые обычаи и нормативные договоры, возникли ранее нормативных актов и продолжают существовать в качестве источников права и в современных правовых системах. Это относится и к российскому праву, начиная с момента их зарождения до наших дней.

Таким образом, легизм как система источников права, ограниченных только кругом нормативных актов, и легизм как система взглядов фактически отсутствуют. Следовательно, рассматривать ту или иную теоретическую или практическую проблему в ракурсе сопоставления, сравнения легизма и интегративного правопонимания есть нечто надуманное, оторванное от действительности наподобие боксирования с отсутствующим противником. Очевидно, что, опираясь на указанные фантомы, можно делать любые выводы, не забывая об их обоснованности.

Под пристальным вниманием «с позиции» двух фактически несуществующих видов правопонимания оказались принципы права. Им посвящено несколько статей. Какие же выводы последовали из так называемого интегративного правопонимания?

Прежде всего интеграторы не согласны с устоявшимся в науке мнением, что принципы — это основные, руководящие идеи (положения, начала). По мнению В. В. Ершова, принципы не идеи, а основополагающая внешняя форма¹⁷. С ним со-

правопонимания // Российское правосудие. 2012. № 2. С. 63.

¹⁷ См.: Ершов В. В. Указ. соч. С. 20.

лидарен В. Н. Корнеев, с точки зрения которого принципы — это «объективные сущностные явления... но никакие не «идеи», «начала», положения... упомянутые термины подчеркивают идеальную гносеологическую природу, в конечном счете их субъективную природу. Принципы — это, продолжает дальше автор, и не нормы, а самостоятельная форма права¹⁸.

Если принципы не идеи, очевидно, что это предметы материального мира. Третьего, как общеизвестно, не дано. В таком случае авторы должны были продолжить свои рассуждения и ответить на вопрос: в каком состоянии существуют принципы права — в твердом, жидком, газообразном или в виде плазмы? Учитывая, что многие из них именуются авторами фундаментальными, то можно предположить, что это нечто вроде железобетонных блоков в фундамент здания.

Заметим в связи с этим, что в ходе познания мир удваивается: мир реальных вещей, отношений и мир идеальных феноменов, отражающих мир реальный: суждения, умозаключения, научные факты как достоверные знания, проблемы, гипотезы, теории. Применительно же к науке о праве происходит утрусение мира: мир реальных предметов и отношений, мир идеальный, складывающийся из идеальных феноменов правового регулирования: нормы, юридические факты как достоверные знания, субъективные права и обязанности и др., и третий мир — мир идеальных объектов юридической науки¹⁹.

Правовое регулирование не относится к материальному, вещественному регулированию (физическому, химическому, механиче-

¹⁸ См.: Корнеев В. Н. Основополагающие принципы международного и внутригосударственного права // Российское правосудие. 2010. № 12. С. 21.

¹⁹ См. подробнее: Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 7 и след.

скому) вроде регулирования стока воды, электрического напряжения и т. п. В правовом регулировании нет воздействия материи на материю. Оно проявляется в воздействии мысли (идеи), облаченной в языковую форму, подкрепленной волей на сознание мыслящих и обладающих волей людей, иначе можно сказать: это воздействие различных видов информации (прежде всего предписывающей) на сознание людей. Правовое регулирование в этом отношении является движением различного вида правовой информации, складывающейся из различных идеальных объектов, к числу которых относятся и принципы права.

Что же касается объективности принципов права, то, будучи выражены в языковой форме, они существуют вне головы и независимо от наблюдателя. В этом плане они объективны, могут отражать какие-либо объективно существующие потребности и интересы социальных групп. Но вот признание тех или иных идей в качестве принципов во многом носит субъективный, оценочный характер. Одна и та же идея с точки зрения одного наблюдателя является основной, определяющей, а с точки зрения другого — второстепенной, не заслуживающей такого определения.

Чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть в учебники различного рода. Мы увидим, что, например, число принципов права колеблется в зависимости от оценок авторов от 8 до 18. То же можно сказать и об отраслевых принципах.

Аналогичная ситуация и с так называемыми фундаментальными принципами. Из 19 основных принципов трудового права, перечисленных в ст. 2 ТК РФ, И. Ю. Воронов только шесть наделяет качествами фундаментальных²⁰. Чем последние отличаются от первых, интегратив-

ный подход вместе с автором ответа не дают, дается, по сути, субъективная оценка, не соотношенная с какими-либо основаниями.

Следующий «важный» вывод интеграторов относительно принципов состоит в том, что существуют принципы права, не закрепленные в каких-либо формах права²¹. То есть имеются принципы права, которых нет в праве.

И наконец, положение о том, что принципы права, однопорядковые с нормами права, являются формой права. Что же в таком случае является их содержанием, интегративисты умалчивают. Представляется, что этот вывод сделан в результате неправильного толкования ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, что дублируется в некоторых кодексах.

В названной статье сказано, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью правовой системы России. Законодатель в целях текстовой экономии, краткости поставил в один ряд содержание (нормы и принципы) и форму (договоры) права. Прямо к источникам (формам) права указанные феномены не отнесены, а отнесены к более широкому по объему понятию «правовая система».

В ходе толкования статьи отдельные авторы необоснованно относят принципы права к формам права. Это типичный случай нарушения в ходе рассуждения логического закона тождества, которое выразилось в подмене понятия «система права» понятием «источник (форма) права».

Таким образом, достижения якобы интегрального подхода к исследованию проблемы принципов права (да и не только) весьма сомнительны.

вопонимания // Российское правосудие. 2012. № 5. С. 83.

²¹ См.: Ершов В. В. Указ. соч. С. 19; Воронов И. Ю. Классификация основополагающих принципов трудового права с позиции легизма и интегративного правопонимания. С. 82.

²⁰ См.: Воронов И. Ю. Классификация основополагающих принципов трудового права с позиции легизма и интегративного пра-

Отметим, что подход к праву с ранее принятыми установками, вытекающими из разных интегрируемых теорий, утративших свою актуальность, противоречит объективному, научному подходу. Не лучше ли «начать с начала» — с метода наблюдения. Теоретикам-интегративистам сходится в аудитории, где преподаются конкретные отрасли права, в суды, где применяется право, в законодательные органы, где создается право, понаблюдать за тем, что собой представляет право в этих сферах деятельности.

Что же касается многогранности права, на что обычно ссылаются интегративисты, то следует напомнить, что этому качеству права соответствует методология, для которой характерен многосторонний, многоплоскостной (по терминологии разных авторов) подход к исследованию права.

Заметим, что сложившаяся наука о праве изучает его возникновение, развитие, формы выражения, функционирование, связи права с экономикой, политикой, моралью, правосознанием, интересами разных социальных групп и т. п., т. е. всесторонне.

Всестороннему подходу к праву соответствует и набор сложившихся методов (или плоскостей) исследования в правовой сфере: логико-язы-

ковой (или формально-логический), системно-структурный, конкретно-социологический, аксиологический, информационно-кибернетический, математический (статистический), психологический, исторический и др. И конечно же, диалектический метод со своими принципами познания, которые в определенной мере конкретизируются в перечисленных методах.

Таким образом, правовая наука и не нуждается в интегративном подходе к праву, который пока весьма неопределен, существует лишь в общей фразе.

В заключение напомним интеграторам основные характеристики понимания права: нормативность, системность, генетическая и функциональная связь с государством (государство издает или санкционирует другие социальные нормы, обеспечивает их соблюдение), волевой характер права, общеобязательность, обусловленность права общественным бытием (экономика, политика, мораль, идеология, интересы и т. п.). Все указанные признаки существенны, могут быть конкретизированы. Элиминация (исключение) какого-либо из них превращает право в нечто иное.

Спрашивается, чего же недостает с точки зрения интегративистов в приведенной характеристике права?

Библиографический список

- Воронов И. Ю. Запрещение злоупотребления российским трудовым правом как один из основополагающих принципов права с позиции легизма и интегративного правопонимания // Российское правосудие. 2012. № 2.
- Воронов И. Ю. Классификация основополагающих принципов трудового права с позиции легизма и интегративного правопонимания // Российское правосудие. 2012. № 5.
- Доклад на конференции // Российское правосудие. 2008. № 7.
- Ершов В. В. Юридическая природа принципов российского права с позиций легистского и интегративного правопонимания // Российское правосудие. 2010. № 1.
- Козлихин И. Ю. Нетрадиционные подходы к правопониманию // Современные методы исследования в правоведении: сб. науч. ст. / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2007.
- Корнеев В. Н. Основополагающие принципы международного и внутригосударственного права // Российское правосудие. 2010. № 12.
- Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 8.
- Немытина М. В. Проблемы современного правопонимания // Современные методы исследования в правоведении: сб. науч. ст. / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2007.
- Нерсисянц В. С. Философия права. М., 2005.
- Поппер К. Открытое общество и его враги // Власть, политика, государство, право. Хрестоматия. Вып. 2. Екатеринбург, 2003.

Российское правосудие. 2011. № 10; 2012. № 7.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012.

Шафиров В. М. Проблема пробелов в праве и современное (интегративное) правопонимание // Российское правосудие. 2012. № 10.

Юридические критерии социального государства: новые подходы

ПУТИЛО Наталья Васильевна, заведующая отделом социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: social@izak.ru

Социальное государство и его постоянное развитие, сопровождающееся появлением новых параметров или изменением прежних, требуют обновления научных подходов к данному феномену. Автором проведено исследование существующих подходов к выделению признаков социального государства. В статье предлагается новая система формально-юридических критериев социального государства, позволяющая определить социальную ориентированность государства без обращения к количественным экономическим и социальным показателям. К числу названных критериев автор относит: 1) закрепление принципа социального государства; 2) отражение в конституции перечня социальных прав; 3) особенности конституционного статуса социальных прав; 4) закрепление возможности применения норм международного права в национальной правовой системе; 5) законодательное закрепление обязанностей государства в социальной сфере и механизма их реализации; 6) конституционное закрепление правовых гарантий реализации социальных прав (нормы, устанавливающие общие требования к экономическому устройству государства, налогообложению, процессам перераспределения); 7) законодательную конкретизацию механизма реализации социальных прав; 8) конституционное закрепление особых институтов, характерных для социального государства; 9) наличие особых органов государственной власти и иных структурных элементов; 10) закрепление принципа правового государства; 11) состояние социального законодательства. Предложенная система критериев основывается на международных индикаторах качества жизни, учитывает исторический опыт становления социального государства.

Ключевые слова: социальное государство, индикаторы, функции, атрибуты, критерии, признаки, цели.

Legal Criteria of the Welfare State: New Approaches

N. V. PUTILO, candidate of legal sciences

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: social@izak.ru

The welfare state and its constant development accompanied by the appearance of new characteristics or changing old require to update scientific approaches to this phenomenon. The author researches existing approaches to the allocation of signs of the Welfare state. The article proposes a new system of formal legal criteria of the welfare state, which allows to determine the social orientation of the state excluding quantitative economic and social indicators. The author includes following criteria: 1) implementation of the principle of the social state; 2) reflected in the constitution of the list of social rights; 3) characteristics of the constitutional status of social rights; 4) enabling of the application of international law in the national legal system; 5) legislative consolidation of state duties in the social sphere and the mechanism of their implementation; 6) constitutional recognition of legal guarantees for the implementation of social rights (standards, specifying the general requirements for the economic structure of the state, taxation, redistribution processes); 7) legislative concretization of the mechanism